

M O D E R N

L O V E H O T

PENELOPE BLOOM

HIS

Banana

ПЕНЕЛОПА БЛУМ

ЕГО

Банан

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б70

Penelope Bloom

HIS BANANA

Copyright © Penelope Bloom 2018

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Елены Парахневич*
Художественное оформление *Елены Куликовой*

Блум, Пенелопа.

Б70 Его банан / Пенелопа Блум ; [перевод с английского
Е. Парахневич]. – Москва : Эксмо, 2020. – 256 с.

ISBN 978-5-04-111899-0

Наташе двадцать пять. Она живет в Нью-Йорке, работает в интернет-издании и еле сводит концы с концами. На шее сидит взрослый брат, а непослушный пес всегда готов разгромить квартиру. Да и квартирой это сложно назвать.

Когда Наташе предлагают ответственное задание, она, не раздумывая, соглашается. Это шанс проявить себя, ведь Наташа всегда мечтала серьезно заниматься журналистикой. Да и лишние деньги не помешают – нужно же как-то платить за квартиру.

Под видом стажера она устраивается в компанию братьев-миллионеров, Брюса и Уильяма. Уж слишком быстро развивается их бизнес. Здесь что-то не так. Главное – собрать материал.

Кто бы мог подумать, что уже на собеседовании Наташа столкнется с Брюсом и что банан, который она только что слопала, не для гостей. Это его банан!

Наташу принимают в штат, новый босс заваливает шпионку работой, и оба молча ненавидят друг друга. Очень скоро Наташа поймет, что не зря съела его банан. Ведь, как известно, проделывать путь от любви до ненависти – проще простого.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111899-0

Глава 1

Наташа

Уж что-что, а опаздывать я умею. И вообще попадать в неловкие ситуации — в этом деле я, можно сказать, профи, а Нью-Йорк помогает мне творить глупости. Как-то раз, например, я не вышла на работу, потому что решила, будто выиграла в лотерею (оказалось, случайно глянула на результаты предыдущей недели). По дороге за выигрышем я успела сообщить боссу, что мне надо съездить по одному очень важному делу, и если вдруг буду нужна — пусть ищут меня на моей шикарной яхте, где я вкушаю виноград из рук высоких загорелых красавцев. Увы, босс юмора не оценил, распечатал мое письмо и раздал его всей редакции. Так что винограда в тот вечер мне не досталось, пришлось утешать себя затхлым попкорном.

В другой раз я посмотрела на ночь «Марли и я», прорыдала до самого утра и отправилась на работу с красными зареванными глазами. Еще я вечно садилась в метро не на тот поезд, по полчаса искала ключи от машины, которой у меня никогда не было, а однажды даже пропустила ужин с лучшей подругой, потому что у моей собаки приключился нервный срыв.

М-да... Это, конечно, не повод для гордости, но я и впрямь ходячая катастрофа. Нет, даже не так. Хуже! Я буквально притягиваю к себе неприятности. Если есть кнопка, которую ни при каких обстоятельствах нельзя нажимать, бесценная ваза или дышащая на ладан старушка, в общем, хоть что-то, представляющее для вас ценность, — не вздумайте ни при каких обстоятельствах подпускать меня близко. Одно утешение — журналист я, наверное, неплохой, раз до сих пор не вылетела с работы. Правда, задания мне дают самые унылые, лишний раз напоминая, какая я все-таки неудачница... Как бы хорошо ты ни умел писать, трудно пробиться на должность ведущего репортера, если ты каждую минуту можешь сесть в лужу.

— Просыпайся!

Я пнула Брэйдена под ребра. Брат застонал и перекатился на бок.

Ему через неделю стукнет тридцать, а он до сих пор живет с родителями. Взамен они тре-

буют только одного — чтобы он хоть чуть-чуть помогал по хозяйству. Увы, братец из тех, кто пальцем о палец не ударит лишний раз, поэтому у родителей порой лопается терпение и его выгоняют на улицу. Тогда Брэйден ночует у меня в кладовке, потом через пару дней просит прощения у родителей и возвращается под родную крышу.

Если я — воплощение хаоса, то Брэйден — ходячий бардак. Он унаследовал ту же тягу к разрушениям, что и я, но не пытается хоть как-то исправлять свои ошибки. В результате у нас имеется двадцатидевятилетний детина, который днями напролет играет на телефоне в «Покемон-гоу» и изредка подрабатывает «санитарным инспектором» — то есть за сущие гроши метет городские улицы.

— Солнце еще не встало, — сквозь сон запротестовал Брэйден.

— Бесплатная гостиница закрыта! Иди мирись с папой и мамой и верни мне мою кладовку!

— Ладно, ладно. Только поймаю одного редкого покемона, пока я в центре города... А потом, может, и к родителям загляну...

Я набросила пальто, взяла две разные туфли — темно-коричневую и синюю, потому что не было времени искать подходящую пару, — и на цыпочках прокралась к выходу. Хозяйка

дома жила прямо напротив меня и при каждом удобном случае спешила напомнить про арендную плату.

Нет, за жилье я плачу... почти в срок. Просто из-за вечной черной полосы в жизни я зарабатываю не так много, как хотелось бы, а помимо аренды порой приходят и другие счета. Например, за электричество. Иногда, если вдруг подфартит, мне удастся даже купить продуктов. Родители у меня не самые состоятельные люди, обычные педагоги, но зарабатывают они неплохо, поэтому при необходимости, конечно, могут подкинуть мне денег. Однако я не прошу: не то чтобы было стыдно сидеть у них на шее, просто не хочется лишний раз их волновать. Поэтому я взяла с Брэйдена самую страшную клятву, что он ни при каких обстоятельствах не расскажет им о моем пустом холодильнике. Все равно я скоро встану на ноги и забуду эти дни как страшной сон.

Жизнь в Нью-Йорке — удовольствие не из дешевых, но я ни на что его не променяю. Ни в каком другом городе я просто-напросто не найду себе места. Только в Нью-Йорке с его толпами на улицах в любое время дня и ночи я не буду выглядеть белой вороной ни с разными туфлями на ногах, ни в пальто наизнанку.

На работу я всегда ехала с радостью — даже в те дни, когда по прибытии меня ждала выволочка за опоздание.

Редакция, где я работала, была, мягко говоря, не самой богатой. Столы из ДСП с облупившимися слоями серой краски. Стены — такие тонкие, что пропускали любой звук с улицы. Компьютеры — древние и громоздкие: мониторы килограммов по пятнадцать и размером с перекормленного младенца. Печатная журналистика умирала медленной смертью, и на моем рабочем месте это очевиднее некуда. В журнальном бизнесе оставались лишь глупцы, не способные учуять запах разложения, или ярые фанатики своего дела. Лично я себя с гордостью относила и к первым, и ко вторым.

Не успела я зайти в редакцию, как из своего кабинета выскочил Хэнк. Он сидел за таким же убогим столом, как и мы, только отгородил себе каморку в углу большой комнаты, где размещались остальные. Хэнк был главным редактором журнала и единственным из всей нашей братии, с кем я практически не общалась.

Правда, был еще мистер Ванстейд, но он у нас почти не появлялся. Лишь следил, чтобы у журнала были рекламодатели и вовремя платилась аренда крохотного кусочка небоскреба, который мы считали своей редакцией.

При появлении Хэнка моя лучшая подруга Кэндис вытаращила глаза и замахала руками. Уж не знаю, о чем она пыталась предупредить. Да и что я могла бы сделать, если мне собирались дать очередное паршивое задание?

Хэнк по своему обыкновению окинул меня взглядом с головы до ног. У него были густые брови, ужасно похожие на усы, отчего складывалось впечатление, что у нашего редактора то ли третья бровь над губами, то ли усы на лбу. Я так и не решила, как правильнее. Волосы у Хэнка давно поседели, но энергии в нем плескалось побольше, чем в некоторых юнцах.

— Что, сегодня не опоздала? — хмыкнул он.

Прозвучало весьма грозно, словно Хэнк пытался уличить меня в обмане.

— Ни в коем случае, — заверила я.

— Молодец. Может, я тебя и не уволю.

— Вы обещаете меня уволить с того самого дня, как я начала здесь работать. Сколько уже прошло — почти три года? Признайтесь, Хэнк: вам невыносима одна мысль о том, чтобы потерять меня со всеми моими талантами.

Кэндис, старательно подслушивающая наш разговор, сунула в рот два пальца и изобразила рвотные позывы. Я еле сдержала улыбку — у Хэнка был нюх на веселье почище, чем у поли-

цейской ищейки, и он любой ценой постарался бы испортить нам настроение.

Тот раздраженно опустил усы... или брови.

— Признаюсь только в одном: я безмерно рад, что есть кому поручить задания, за которые остальные братья побрезгуют. Кстати, о...

— Дайте-ка угадаю. Хотите, чтобы я взяла интервью у владельца мусорной компании. А, нет, не так! У парня, который за символическую плату собирает возле вашего дома собачьи кашки. Да?

— Нет, — прорычал Хэнк. — Пойдешь изображать стажера в «Галеон интерпрайз». Это...

— ...Крутая маркетинговая компания, — закончила я. — Да, знаю. Хотя вы и поручаете вечно мне всякую чушь, я стараюсь следить за новостями в мире бизнеса.

Я произнесла это с немалым оттенком гордости. В конце концов, так оно и есть. Пусть все считают меня посмешищем и не упускают возможности подшутить, иногда проще лишний раз подыграть злопыхателям. При этом я остаюсь журналистом и к своей работе отношусь серьезно. Всегда читаю, о чем пишут на первых полосах газет, слежу за работой фондового рынка и даже подписалась на парочку блогов известных публицистов, чтобы быть в курсе последних издательских трендов.

— Любой ценой соберешь компромат на Брюса Чамберсона.

— Компромат какого рода? — уточнила я.

— Если бы я имел хоть малейшее представление, думаешь, ты была бы нужна?

— Знаете, Хэнк... Все выглядит так здорово — прямо как настоящее задание. В чем подвох?

Его хмурая гримаса на мгновение разгладилась.

— Даю тебе шанс доказать, что ты не полная дура. Хотя имей в виду: я не сомневаюсь, что ты опять облажаешься.

Я хищно вскинула подбородок.

— Постараюсь не подкачать!

Хэнк уставился на меня как на идиотку. До меня запоздало дошел истинный смысл его последней реплики.

— Э-э, ну, вы поняли, о чем я... — простонала я и направилась к Кэндис.

Та склонилась над столом, пряча широкую ухмылку. Кэндис была примерно моей ровесницей: лет двадцати пяти, может, чуть меньше. Мы познакомились два года назад, когда я пришла в журнал «Бизнес-идеи Хэнка». У Кэндис были светлые волосы, очень коротко, по-мальчишечьи подстриженные, но благодаря симпатичному личику и огромным синим глазам выглядела она вполне себе женственно.

— «Галеон интерпрайз»? — уточнила Кэндис. — Ты хоть знаешь, что эта компания в списке пятисот самых крутых?

— И что, мне описать прямо сейчас или все-таки потерпеть, пока не останусь одна? — спросила я.

Кэндис пожала плечами.

— Можешь напрудить лужу Джексону под стол, я прикрою. Он заявил, будто я ворую у него из холодильника йогурты!

— Кэндис, я тебе не биологическое оружие.

— «Галеон интерпрайз»... — снова мечтательно протянула та. — Ты видела фотографии их директоров — Брюса Чамберсона и его брата?

— А должна была?

— Ну, если тебе по нраву шикарные парни, от которых дымятся трусики...

— Ясно. Думаю, парни, от которых дымятся трусики, больше по твоей части.

— Не жалуйся после первого дня работы, что я не предупредила тебя купить термостойкое белье.

Я прищурилась.

— Только не говори, что такое и впрямь существует!

Кэндис в притворном изумлении округлила рот.

— Ой, да ладно, Нэт! А что, по-твоему, носят женщины-космонавты?

Как всегда, после разговора с Кэндис я была растерянна, смущена и немного взволнованна. Хотя, надо признать, я радовалась ее компании. Мне не хватало времени на друзей в «традиционном» понимании дружбы, как ее изображают в ситкомах. Посмотришь пару-тройку сериалов и потом считаешь, будто среднестатистический взрослый человек девяносто пять процентов своей жизни или работает, или тусуется с друзьями. Да и на работу ходит лишь затем, чтобы пообщаться там с приятелями...

Может, это я неправильная, но мое время расписано так: пять процентов на друзей, шестьдесят — на работу и оставшиеся тридцать пять — на самобичевание из-за очередного провала. Ах да, и еще десять — на сон. Да-да, я в курсе, что получилось больше ста. Плевать. Дело в том, что моя жизнь — не тупая комедия. Она полна одиночества и здорового страха, что я или останусь без крыши над головой, или буду вынуждена переехать в другой город и расстаться с мечтой. Или, что хуже всего, превращусь в подобие Брэйдена. Вернусь в конце концов в свою старую детскую комнату с дурацкими пятнами замазки на стенах, кое-как прикрытыми плакатами «Сумерек» и «Ван дирекшн»...

Благодаря Кэндис я помнила, чего именно мне хочется от жизни, и я была бы не прочь общаться с ней почаще, поэтому без труда ми-

Ею банан

рилась с чувством некоего замешательства, которое долгое время не покидало меня после разговоров с подругой.

Лишь усевшись за стол, я сообразила, что, собственно, произошло. Пусть Кэндис не восприняла мое новое задание всерьез, но я-то увидела, что оно — реальный шанс показать себя после двух лет бестолковой работы.

Я напишу изумительный репортаж! Докажу, что заслуживаю продвижения по карьерной лестнице — и соответствующей зарплаты тоже.

На этот раз я ни за что не облажаюсь!